

реализует себя как созидатель. Он не «комментирует жизнь», как любят говорить сегодня; он творит, в меру возможностей, «вторичный мир». Как считает Толкиен, поскольку в этом – одна из функций человека, ее успешное осуществление всякий раз приносит радость. Так художественный вымысел становится некой особой реальностью, параллельным миром, обладающим притягательностью волшебной страны и почти земной материальностью, вызывающим желание приобщиться, узнать его лучше, может быть, принять участие в со-творении этого мира, овеществлении его. Как, например, специфические особенности формы и содержания трилогии Дж. Р. Толкиена «Властелин Колец» сделали возможным превращение ее из просто литературного произведения в источник формирования субкультуры.

Таким образом, проанализировав некоторые особенности понятия «религиозная мифология», можно сделать вывод, что особенности данного явления необходимо включить в раздел религиоведения, изучающий поведение человека в религиозной плоскости. Это понятие является межпредметным для изучения в таких разделах религиоведения, как «История религии», «Психология религии» и «Антропология религии». Дальнейшее изучение применимости данного понятия в современном религиоведении позволит уточнить более четко его когнитивную ценность.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В МЕТАФИЗИКЕ

Н. Ю. Игнатова

Метафизическому познанию предшествует убежденность философа или ученого в принципиальной познаваемости мира. Эта «наивная вера в упорядоченность мира» направляет научные изыскания, в ходе которых, если они выполнены методологически правильно, следует ожидать, что порядок природы раскроет себя с необходимостью. Однако, «наивная вера в познаваемость мира» тоже не в полной мере наивна. За ней скрывается определенная познавательная традиция. Ученые и философы не невинные младенцы, а члены научного сообщества, прошедшие образовательный ценз, следовательно, их метафизические ожидания относительно природы подкреплены «школой».

Существует точка зрения, что изменения метафизических построений связаны либо с переосмыслением открытой и скрытой концептуальной рамки (Л. Витгенштейн), либо, если речь идет о возможностях философского дискурса, – с анализом логической структуры языка (Р. Карнап) или метафор (Р. Рорти). Роль концептуальных рамок или объяснительных схем в метафизике в разные

исторические эпохи выполняли представления о неизменности объективного мира/мира идей, о значимости субъекта познания/действия, о способах получения знания и т. п. Объяснительные схемы, с точки зрения Уайтхеда, – часть природы, «красный отблеск заката должен быть в такой же степени частью природы, как и молекулы и электрические волны, которыми ученые объяснили бы этот феномен». Возможно, «языковые игры» вызваны отчаянием, которое испытывает философ, пытаясь справиться с искушением трансцендентным. Это Нечто, стоящее за вещами, – напряжение Абсолюта – ощущается в классических концепциях (Кант).

В современной метафизике можно выделить три методологических подхода. Первый подход – традиционная априорная концепция, настаивающая на невозможности использовать понятия естественных наук при обсуждении метафизических терминов, поскольку естественные науки не могут объяснить все явления, имматериальное принципиально непознаваемо для физического опыта (Дж. Милбэнк). С. Лем в «Сумме технологии» утверждал, что как бы эмпирически неразрешима не была проблема существования денотатов веры, не подлежит сомнению ценность веры как источника универсальной информации.

Второй методологический подход связан с попыткой использовать язык естественных наук для описания феноменологического опыта, что открывает перспективы для частичной «натурализации» метафизики. Неявное отождествление «физического» со всей объективной действительностью усматривается в популярной репрезентации квантовой теории для ментальных феноменов. Аргумент о легкости объяснения мира данными физических наук вытекает из «дилеммы теоретика» К. Гемпеля: физическое – это либо то, что сейчас постулируется физикой, либо то, что будет описано ею в недалеком будущем. Позиция радикального физикализма получила обоснование в концепции логического позитивизма (Р. Карнап, Д. Росс, Дж. Лэйдиман). Э. Мельник использует предложенный О. Куайном в «Нигилистической эпистемологии» прием, когда все уровни реальности сводятся к первому уровню и переописываются в терминах единственной фундаментальной концепции. Уместно сослаться на позицию Мери Хессе против релятивизма историко-методологической концепции радикального изменения значения терминов теории при переходе от одной парадигмы к другой (Т. Кун). С этой точки зрения, большинство истинных фактуальных высказываний переводимы из одной научной системы в другую с сохранением их значений истинности.

После чтения «Метафизического манифеста» Э. Мельника остается открытым вопрос, какие физические объекты и как именно провоцируют существование Я. Если вслед за Мельником

считать, что психическое не обладает той значимостью, какую ему приписывает традиция, повисает вопрос, почему ментальное реализуется как сознание.

Иногда, и на это указывает П. Ангер, ученые постулируют некие промежуточные объекты, которые однозначно не являются физическими объектами: информация, кодирование, ментальные карты и т. п. По мнению Р. Манзотти, это онтологически пустые понятия, которые ничего не добавляют к пониманию причинных связей в реальности. Онтологически пустые понятия фактически приводят к утверждению разных видов дуализма: субстанционального дуализма с понятием «субстанция» (П. Суинберн), эмерджентного дуализма с понятием «эпистемический индивид» (Р. Хаскер), натуралистического дуализма с понятием «супервентность» (Д. Чалмерс).

«Трудная проблема сознания» может привести к предположению, что феноменальный опыт – это иллюзия (Д. Деннет), или что разум и тело – разные уровни описания одного и того же феномена (Дж. Серл). У нас нет языка, чтобы адекватно справиться с проблемой «сознание-тело». Любая попытка объяснения подобной сложной проблемы вынуждает нас уменьшать ее сложность. Чем сложнее ситуация, тем большие затруднения для ее описания мы испытываем. Язык не всегда позволяет обозначать место действия или окружение (актант). Ответ на вопрос «Кто я?» можно объяснить определенной нейронной реакцией, однако эта реакция ничего не скажет о том, с кем я сейчас, или где я нахожусь.

Осмысление проблемы «сознание-тело» приводит не к пустоте метафизических высказываний, а к широкому распространению натурализма (Э. Голдман). Натурализм основывается на схожих методологических установках, что и физикализм. Популярность натурализма в современной метафизике совмещается с его неоднородностью: речь идет о либеральном натурализме (Х. Патнэм). Оптимистические натуралисты (Д. Деннет) размышляют об особых правильных инструментах познания, поскольку самые серьезные трудности встречаются при использовании редукции и элиминации (Т. Нагель, М. де Каро). Разочарованные натуралисты (А. Розенберг) задают фундаментальные вопросы о жизни, пытаясь из разных кусков реальности составить целостную картину.

Многочисленные сторонники реализма апеллируют к интуиции, опыту и здравому смыслу, обыденному языку. Если первоначально Б. Рассел и др. воспринимали реализм как определенную позицию в философии восприятия, затем войны между реалистами и анти-реалистами развернулись в философии языка, то в ХХI в. установка реализма закрепились за метафизическими построениями, которые используют данные когнитивистики. Третий

методологический подход в современной метафизике – реализм – исходит из того, что когнитивная наука дает информативный материал о сознании, рассматривая конструктивную деятельность мозга как весомый фактор в определении возможностей человеческого опыта (А. Крэйг, Пол и Патрисия Черчленд). Речь идет о феномене Mindreading и о метафизике мозга.

Убежденность в том, что философы и ученые продолжают пребывать в плену устойчивых новоевропейских нарративов, подвигла реалистов вспомнить хайдеггеровский лозунг «Назад к вещам!». Прослеживая связь слова thing (вещь) с тингом (общее собрание, вече), Б. Латур обосновывает реальность вещественности мира и социальных условий конструирования вещей. В реализме Латура можно отметить как минимум два актуальных требования: а) обращение к «вещам», материи, телесности, чтобы «дать вещам высказаться», приписывание «вещам» статуса акторов, б) попытка уйти от старой дихотомии явления и реальности, имплицитно содержащей в себе тот или иной вид фундаментализма. Пикеринг утверждает, что «мы можем определенным образом создавать определенные феномены, которые будут истолкованы в качестве очевидности». Исследуемые физические и ментальные эффекты – результат вмешательства ученых, приводящий к осмыслению метафизики становления. Постулирование симметрии в метафизике (Р. Рорти), когда «вещи» признаются гетерогенными, т. е. одновременно реальными и социальными конструктами, напоминает «танцы отражений» гибридных партнеров, humansinonhumans. Логическим следствием этого становятся модели смешанной реальности Джудит Батлер, «агентский реализм» Карен Барад и феминистская технонаука. Вместо множества методологий, онтологий и метафизических подходов, порожденных общностью минимальных характеристик и свойств, возникает индивидуализированная метафизика К. Барад «здесь и сейчас для меня и каждого», декларируется неизбежность и прелесть отклонения (квир). Речь идет не просто о множественности моделей реальности и многообразии отношений в ней/с ней, но о кардинальной смене ценностных установок (Донна Харауэй).

В агентском реализме центральным понятием выступает понятие agency, одними авторами переводится как коллектив (О. Столярова), другими как устройство, третьими как взаимодействие агентов/акторов (Н. Мотрошилова) различной природы – органической, неорганической и смешанной. В метафизике К. Барад понятие agency меняет свой смысл. «Agency» для К. Барад – это не то, что «кто-то или что-то есть в той или иной степени». Agency не является собственностью людей или вещей; скорее, agency – это принятие, вопрос возможностей для преодоления. Вещи не предшествуют взаимодействию, наоборот они возникают в интра-акциях субъекта

и объекта. В свою очередь, феномен – это не автономия субъекта или объекта, а гибрид субъекта и объекта. Различия субъекта и объекта смазаны, они растут, становятся значимыми в становлении. Субъект и объект не заданы, не априорны, они вырисовываются, «вырезаются» усилием, действием. Если свойства объектов, как и характеристики субъектов, обретаются в процессе познания, в становлении, то они уникальны. Речь идет о возможностях и ответственности за использование аппаратов (термин К. Барад), т. е. инструментов производства вещественности/телесности, включая границу взаимодействия и исключения, которые отмечены материально-дискурсивными практиками. Агентство, по мнению К. Барад, создает пространство возможностей для акторов/актантов.

В какой-то степени Карен Барад отталкивается от актор-сетевой теории Б. Латура, где сеть – это цепи отношений, а акторы – различные сущности, специфицированные этими отношениями.

Рассуждение о метафизике становления включает ее в контекст проблемы воображаемых миров. Все мыслимое реально, все реальное мыслимо. Эта диалектическая формула вновь оказывается востребованной для того, чтобы противостоять дуалистической метафизике, разрывающей субъективность и природу. Вообразить становление сложно, поскольку сопряжение конструкции и реальности не позволяет говорить о «всеобщей и необходимой» метафизике. Все становится, существует во взаимопревращении, все мыслимое отсылает к действительному. К. Барад, обращаясь к метафизике становления, фактически утверждает неизбежность релятивизации связей и отношений, – это есть способ обосновать метафизику индивидуальности.

Проблема разных методологических подходов в метафизике задается желанием либо следовать за Кантом, либо опровергнуть сформулированное им различие между эмпирическим восприятием и трансцендентальным конституированием. Критика трансцендентального конструирования вызвала к жизни «новый материализм» К. Барад, и в метафизике оформляется еще одна школа – феминистская метафизика.

АНТИЭКОЛОГИЗМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹⁷⁰

А. Н. Ильин

В условиях современной потребительской цивилизации актуальное значение приобрела философская рефлексия тенденций консюмеризма. Потребительские тренды прочно укоренились

¹⁷⁰ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России (государственное задание).